

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-1-463

EDN: VMHXOF

УДК 811.13

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ПРОБЛЕМЫ ФРАГМЕНТАЦИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОМАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

М.В. Кирчанов

Аннотация

Цель исследования – анализ восприятия и ревизии проблем истории общероманского состояния и диалектального дробления латыни в интеллектуальной истории романской филологии. Анализируются различные точки зрения на общероманское состояние и проблемы истории литературной и вульгарной латыни, включая различные аргументы, которые были предложены в истории романского языкознания.

Новизна исследования состоит в анализе интерпретаций общероманского состояния и истории латыни в контекстах интеллектуальной истории и истории идей, включая ресурс исторического ревизионизма, так как история науки, включая романское языкознание, представляет собой смену различных интерпретационных моделей.

Материалы и методы. Методологически исследование основано на принципах междисциплинарной историографии, предложенных в интеллектуальной и культуральной истории, что позволяет, пересматривая точки зрения, предложенные в предшествующей историографической традиции. Применение методов интеллектуальной истории позволяет проанализировать проблемы отношения к теории общероманского состояния как часть истории идей. Активное использование этого термина позволяет предположить, что само понятие «общероманское состояние» стало изобретённой историографической традицией и интеллектуальным конструктом.

Результаты. Результаты исследования позволяют предположить, что 1) представления об общероманском состоянии в истории рома-

истики стали историографическим концептом и изобретенной традицией, 2) дискуссии и дебаты о существовании или отсутствии общероманского состояния, а также диалектного членения латыни и роли социальных факторов в развитии вульгарной латыни стимулировали поиск новых идей, содействовали развитию романской филологии и генезису новых интерпретационных моделей и объяснений, 3) спорность и дискуссионность концептов, предложенных в истории романской филологии раскрывается через призму интерпретационных моделей диглоссии и социальной лингвистики, что актуализирует потенциал ревизионизма как универсального метода для генерации новых смыслов и объяснений в современных гуманитарных науках, включая романское языкознание.

Ключевые слова: романистика; история идей; интеллектуальная история; общероманское состояние; латынь; классическая латынь; вульгарная латынь; латынь и романский; социальные факторы; генезис романских языков

Для цитирования. Кирчанов, М. В. (2025). Проблемы фрагментации латинского языкового пространства в интеллектуальной истории романского языкознания. *Современные исследования социальных проблем*, 17(1), 29–58. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-463>

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

PROBLEMS OF FRAGMENTATION OF THE LATIN LANGUAGE CONTINUUM IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF ROMANIC LINGUISTICS

M.W. Kyrchanoff

Abstract

The **purpose** of this study is to analyze the perception and revision of the problems of the history of the common Romance state and the dialectical fragmentation of Latin in the intellectual history of Romance philology. The author analyzes various viewpoints on the common Romance state and

the problems of the history of literary and vulgar Latin, including various arguments that were proposed in the history of Romance linguistics.

The novelty of the study lies in the analysis of interpretations of the common Romance state and the history of Latin in the contexts of intellectual history and the history of ideas, including the resource of historical revisionism, since the history of science, including Romance linguistics, is a change of various interpretative models.

Materials and methods. Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed in intellectual and cultural histories, which allow, by revising the viewpoints proposed in the previous historiographic tradition, to analyze the problems of the common Romance state as part of the history of ideas and an invented historiographic tradition or intellectual construct.

Results. The results of the study suggest that 1) the idea of a common Romance condition in the history of Romance studies became a historiographical concept and an invented tradition, 2) discussions and debates about the existence or absence of a common Romance condition, as well as the dialectal division of Latin and the role of social factors in the development of Vulgar Latin stimulated the search for new ideas, contributed to the development of Romance philology and the genesis of new interpretative models and explanations, 3) the controversy and debatable nature of the concepts proposed in the history of Romance philology is revealed through the prism of interpretative models of diglossia and social linguistics, which actualizes the potential of revisionism as a universal method for generating new meanings and explanations in modern humanities, including Romance linguistics.

Keywords: Romance studies; history of ideas; intellectual history; overall Romance state; Latin; Classical Latin; Vulgar Latin; Latin and Romance; social factors; genesis of the Romance languages

For citation. Kyrchanoff, M. W. (2025). Problems of fragmentation of the Latin language continuum in the intellectual history of Romanic linguistics. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(1), 29–58. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-463>

Введение

Современное романское языкознание принадлежит к числу наиболее динамично развивающихся междисциплинарных областей в современной науке о языке. С одной стороны, романское языкознание активно интегрирует в себя методы и достижения исторических наук, что совершенно нормально и естественно, если принимать во внимание то, что в центре внимания романской филологии могут находиться вымершие и вышедшие из активного использования романские языки, в первую очередь – латынь, необходимая также для историков-антиковедов и медиевистов.

Историческая наука обеспечивает большинство романистов не только основными нарративными источниками, предлагая им механизмы критики (как внутренней, так и внешней) текстов с той только разницей, что филологи-романисты, в отличие от историков, актуализируют и анализируют в большей степени значение таких источников через призму истории языка. Кроме этого, современное романское языкознание активно контактирует и интегрируется с лингвистикой, точнее теми ее направлениями, которые сфокусированы на изучении политических аспектов языка, особенностей функционирования различных языков, их сосуществования и использования в сложных многосоставных и плюралистических обществах.

Подобные методы современными специалистами, занимающимися изучением античных языков, проецируется на историю. Это ведет к трансплантации достижений истории и социолингвистики в изучение и анализ истории романских языков. В историографии такие попытки предпринимались в отношении поздней народной латыни и появления отдельных романских языков. Вместе с тем советский и российский романист А.Б. Черняк призывал проявлять осторожность в применении социолингвистических подходов, так как «от романистики с ее специфическими проблемами довольно далеко, но по-своему любопытно» [32, с. 260]. Несколькими десятилетиями ранее молдавский романист Н. Корлэтану указывал на важность «социолингвистического подхода» [14, с. 14], что, впро-

чем, не мешало ему оставаться в рамках упрощенного и идеологически мотивированного историзма.

В этой ситуации особую роль в современном романском языкознании начинает играть такой универсальный метод гуманитарного знания, как исторический ревизионизм, который используется и современной историографии. Без пересмотра ранее предложенных объяснений в условиях смены интерпретационных моделей, в рамках которых изучаются источники, динамичное развитие науки существенно замедляется. Отказ от устаревших и архаичных концепций, выдвижение новых, их проверка и критика являются нормальными для истории науки. В значительной степени аналогичные явления, правда в несколько меньшей степени, чем в истории, имеют место и в развитии современного романского языкознания, особенно в тех его областях, которые тесно интегрированы с исторической наукой в силу близости предмета и объекта изучения.

В современном романском языкознании существует несколько дискуссионных проблем, связанных с историей романских языков, которые, вероятно, нуждаются в новой интерпретации, представляющей собой ревизию ранее предложенных интерпретационных моделей. Среди таких проблем особое место занимают вопросы, связанные с историей латыни, ее развитием и фрагментацией, одновременным софункционированием как литературной, так и народной латыни, связанных с ними формами романской речи, которые в историографии могут определяться и описываться в категориях общероманского состояния и наследующих ему отдельных языков. Кроме этого, само общероманское состояние может редуцироваться до региональных форм латыни, например, североафриканской или балканской. Проблема в том, что ни одна из этих позднеантичных форм романской речи не представлена достаточным количеством памятников. Что касается латыни, то в распоряжении историков и филологов находятся многочисленные тексты, написанные на классической форме латыни или на ее средневековой версии.

Тем не менее, они фиксируют определенные изменения и новации в лексике и грамматике. Именно анализ подобных текстов при-

вел к тому, что в романском языкознании в историографии высказываются различные точки зрения относительно кризиса латыни, ее постепенной фрагментации, выделения и развития общероманского состояния и появления отдельных романских языков. Проблемаотягощена и тем, что само понятие «общероманское состояние» [10] признается далеко не всеми романистами, которые занимаются изучением истории латыни и появлением отдельных романских языков. Поэтому в представленной статье, используя достижение историографии и романского языкознания, автор предпринимает попытку через призму исторического ревизионизма рассмотреть дискуссионные проблемы, связанные с переходом от народных форм романской речи к общероманскому состоянию и, как следствие, появлением отдельных романских языков.

Цель исследования – анализ восприятия проблем постепенной фрагментации латыни в интеллектуальной истории романистики на социальные формы и регионализированные версии романской речи. В число *задач* автора входит анализ предшествующей историографии вопроса, выявление основных точек зрения относительно упомянутых выше процессов, высказанных в научной литературе, пересмотр последних с учетом новейших достижений в историографии и романском языкознании. Кроме этого, используя познавательные ресурсы исторического ревизионизма и подвергая пересмотру предшествующую историографическую традицию, автор предлагает новое видение генезиса отдельных форм романской речи через призму восприятия поздней латыни в целом и народной латыни в частности как плюрицентричного языка.

Методология

Методологически представленная статья основана на достижениях интеллектуальной истории и истории идей. В этой ситуации различные и точки зрения и мнения, высказанные предшествующими поколениями филологов и историков, воспринимаются как своеобразные конструкторы, изобретенные историографические традиции, которые могут подвергаться ревизии или деконструкции

в условиях выявления новых источников, их введения в научный оборот и соответственно стимулировать появление новых интерпретаций, дополняющих предшествующие мнения и ставя их под сомнение или подвергая частичной и полной деконструкции, локализуя их среди тех концепций, изучением которых занимается историография или история романского языкознания, хотя вторая фактически представляет частный случай первой.

Проблемы фрагментации латыни, истории романского и общероманского состояния: историографический канон

Несмотря на то, что в романском языкознании консенсус относительно вопросов поздней истории латыни, ее фрагментации и появления отдельных романских языков фактически не был выработан, тем не менее, несколько положений претендуют на универсальность и на статус интерпретационной модели.

Во-первых, в историографии и романском языкознании, в соответствии с «лучшими» традициями историзма, предлагается двухчастная схема «латынь» / «романские языки» [13]. Во-вторых, практически все исследования, сфокусированные как на романском языкознании в целом так и отдельных романских языках в частности, признают роль и значение фактора романизации [16]. Последняя в значительной части работ представляет собой обязательный элемент по умолчанию [15]. Вместе с тем, романисты-филологи нередко ограничивают роль романизации политическими, социально-экономическими и миграционными изменениями, редуцируя понимание явления [26], а историки не проявляют интереса к языковому измерению романизационных процессов, хотя в рамках такой историографической динамики имеют место и редкие исключения [11].

В-третьих, в отношении латыни может признаваться фактор народной или вульгарной латыни [51], а в отношении романских языков – общероманское состояние в качестве предшествующего их появлению этапа, которое является факультативной и необязательной частью историографического канона, так как его существование признается не всеми историками романских языков.

В-четвертых, латынь позиционируется в качестве языка-предка для романских языков [22], но этот статус интерпретируется почти исключительно через призму примитивного или упрощённого историзма, а проблемы фрагментации латыни, вопросы ее социолингвистического статуса и особенностей, как правило, оказываются за пределами внимания большинства исследователей – как историков, так и романистов.

В-пятых, как для исторической науки, так и для романского языкознания характерен последовательный редукционизм: с одной стороны, генезис романских языков сводится к количественному накоплению региональных особенностей в грамматике, фонетике, лексике при игнорировании исторического контекста; с другой – история сводится к выведению романских языков, в зависимости от концептуальных предпочтений авторов, из латыни, народной латыни или общероманского состояния, что маргинализирует проблемы, которые не могут быть интегрированы в эту интерпретационную модель.

В-шестых, латынь, народная латынь, романский (общероманское состояние) исследуются преимущественно как языки (в первую очередь – латынь) в рамках исторически сложившегося канона, что предусматривает функционирование и воспроизводство консервативной описательной модели, то есть актуализацию проблем истории языка почти исключительно через призму развития и изменения алфавита, фонетики (гласные, согласные, фразовая фонетика), грамматики (категории имен существительных, склонения, имя прилагательное, местоимение, структура глагола, инфект, перфект, согласование времен, залог и т.д.) [7], что маргинализирует целый ряд не менее важных проблем, связанных с социальным и политическим измерением в функционировании языка, включая социолекты, вопросы нормы и стандарта, явления моноцентричности или плюрицентричности, соотношения языка и диалекта.

Для более полного понимания последних необходимы не только методы романского языкознания, но и исторических наук, а также социолингвистики, что актуализирует важность междисциплинар-

ных исследований. Проведение таких исследований фактически невозможно без актуализации ресурса исторического ревизионизма, что влечет за собой ревизию и пересмотр сложившегося канона.

Проблемы фрагментации латыни, романского и общероманского состояния в интеллектуальной истории романского языкознания

В романском языкознании относительно времени фрагментации латыни нет единой точки зрения. Интерпретационная модель, претендующая на относительную универсальность, но вместе с тем и подвергающаяся пересмотру предшествующие точки зрения, была предложена советским и российским романистом А.Б. Черняком. Согласно его точке зрения, на протяжении первых трех веков н.э. латынь подверглась существенным изменениям и трансформациям, которые привели к установлению в Риме фактического двуязычия. С одной стороны, роль фактически государственного языка играла латынь, которая фиксируется во множестве источников. С другой стороны, существовал восходящий к ней романский язык, в основе которого лежали региональные варианты разговорной латыни. Этот процесс А.Б. Черняк определил как «языковую дифференциацию» [33, с. 10].

В историографии относительно детально описаны наблюдения авторов античного периода в отношении трансформации латыни. По мнению Цицерона, изменения в латыни были неизбежны. В связи с этим он подчеркивал, что «существует определенный говор, свойственный римскому народу и его столице... Этот говор мы и усвоим, стараясь избегать не только мужицкой грубости, но и чужеземных особенностей» [27, с. 213]. Двуязычие, которое фактически установилось в Риме в начале н.э., и начальные этапы истории которого фиксировал Цицерон, носило не этнический характер, но имело содержательно иные – социальные и культурные – основания. Современники фиксировали изменения, которые имели место в латыни. Тот же Цицерон в 46 г. до н.э. полагал, что «тогда почти все, кто не жил вдали от Рима и чью речь не испортило какое-ни-

будь местное варварское наречие, говорили правильно. Но, конечно, с течением времени речь становилась хуже как в Риме, так и в Греции. Ибо как в Афины, так и в наш город стекались из разных мест люди, говорящие неправильно. Оттого и почувствовалась необходимость очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил, а не следовать искаженным обычаям общего употребления» [27, с. 310]. Цицерон, таким образом, связывал языковые изменения с появлением иноязычных заимствований, которые стали следствием влияния варваров – носителей, как правило, других индоевропейских языков, вынужденными переходить на романские формы речи в коммуникации с римлянами. Последние начинали фактически претендовать на статус нормы ввиду количественного роста числа их носителей. Именно этот язык в историографии рассматривается как «народная латыни» [4], хотя нормирование последней представляется сомнительным, так как такие формы речи, имеющие оральные пространства бытования [34], развивались в рамках различных социальных и политических контекстов, но вне формального контроля.

В отношении последней, по мнению А.Б. Черняка, в историографии утвердилась «расширительная» интерпретация, так как вульгарная латынь воспринимается и идентифицируется в социально маркированной системе координат как «народный (или язык плебса), разговорный и вообще язык среднего класса» [33, с. 50]. В историографии подчеркивается именно социальный фактор в процессах фрагментации языка, на что указывал уже Э. Бурсье: «начиная с эпохи Цезаря и даже раньше говорили не так как писали... разговорный язык не был абсолютно однородным: каждой общественной ступени были свойственны свои особые оттенки, и патриции, беседуя друг с другом в сенате, выражались иначе, чем зеленщики на Аппиевой дороге или гладиаторы в тавернах Субуры» [2, с. 33]. Кроме этого, Цицерон фиксировал тенденции к эрозии и размыванию литературного канона, подчеркивая, что и представители аристократии сами могут использовать в одних случаях «народный язык» в то время, как в других обстоятельствах «говорят

тоньше, изысканнее», хотя не чужды «употребления народных выражений» [Там же].

В I в. н.э. М. Фабий Квинтилиан указывал на то, что основной причиной изменений в латыни является социальный фактор, так как многие представители римской элиты не заботились о том, чтобы «правильной была речь кормилиц» [33, с. 13], то есть изменения в языке связывались с социальными трансформациями. Свидетельство Квинтилиана представляется чрезвычайно ценным и интересным, так как он фиксировал разные уровни сосуществования латинской нормы с ненормированным народным языком. Римская улица, по мнению Квинтилиана, говорила на языке «необразованных людей», то есть для римского автора были очевидны именно социальные факторы и границы в расхождении латыни знати и языка, который им определялся как жаргон. Квинтилиан стал очевидцем расширения коммуникативных и социальных функций «жаргона», на котором «нередко орут целые театры и вся масса зрителей в цирке» [Там же, с. 10]. Им же подчеркивалось, что «у языка обыкновенного како-то одна сущность, а у речи совершенного оратора – другая» [2, с. 33], то есть расхождение носило преимущественно культурный и социальный характер.

Источники фиксируют разнообразие форм латинской речи, хотя их изучение отягощено фактической невозможностью проследить как сосуществовали и софункционировали формы разговорной латыни с письменной нормой. Тем не менее если не многовариативность латыни, то ее параллельное соразвитие с родственными по происхождению, но грамматически и лексически отличными от нее формами фиксируется в надписях II–I вв. до н.э., обнаруженных в 1877 г. в регионе Пелини на территории современного Абруццо [43]. Несмотря на то, что надписи исследователями относятся к оскско-умбрийскому языку, принимая во внимание доминирование Рима, ассимиляцию родственных этнических групп и принятие местным населением латыни, логично предположить, что найденные надписи могли в целом отражать тенденции к диалектной фрагментации латыни под влиянием родственных ей языков. Тек-

сты надписей демонстрируют как близость зафиксированной в них формы речи к латыни, так и отличия между ними:

Надписи региона Пелини

Pracom usur pristafalacirix prismu Petiedu ipui dadu Ibdia omnitu Uranias ecuc empratois clusu ist Cerfum sacaracirix. Semunu sua aetatu firata fertilid praicime Perseponas af dede, eite vus pritromem pacris puss ecic lexe lifar deti vus dida hanustu Herentas.

Pes pros ecuc incubat casnar oisa aetate Cais Anaes sollois des forte faber.

Ovia Pacia Minerua bratis datas pid sei dedi bratom pam peperci sefei inom suois cnatois.

Sa Seios Sa f. Hereclei donom dedi brat datas.

Латынь

Procum uxor prostibulum prima Petiedia ibi data Ibdiae abrepta Uraniae hoc imperatis clausa est Cererem sacerdos. Semonem sua aetate finita fertili in regnum Perseponiae ab dedit, ite vos in laetitiam paci quos hic legisse liber det vos divite honesta Herentas.

Pius probus hoc incubat senex usa aetate Caius Anaesus solus dives forte faber.

Ovium Pacia Minerva gratias datas quid si dedit gratum quam pepercit sibi tum suis natis.

Sa Seius Sa f. Herculi donum dedit grate datas [43].

Подобные родственные формы речи постепенно подвергались ассимиляции со стороны носителей латыни. Таким образом, число носителей такой формы романской речи постепенно не только росло, но ее элементы начинали влиять на латынь, что, например, упоминалось Тацитом в «Диалоге об ораторах», который сетовал на то, что «грязные и постыдные пороки обыденной речи» [46, р. 47] проникают в речь образованных слоев. Примером влияния народного языка на речь знати стал случай Секста Помпея (68 или 66 г. до н. э.) [31] – младшего сына Помпея Великого – который, по мнению исследователей, «был необразованным человеком и говорил на жуткой латыни» [33, с. 57].

Если М.В. Сергиевский полагал, что такие явления в развитии народной латыни предшествовали появлению отдельных романских языков [20, с. 72] без разрешения латинского языкового континуума, то А.Б. Черняк существенно пересмотрел более ранние точки зрения и интерпретировал подобные процессы в языковой культуре римского социума как свидетельства, которые указывали

на двуязычие [33, с. 13]. Вместе с тем следует признать, что А.Б. Черняк в этом контексте продолжал развивать точку зрения, высказанную Ф. Дицем, который полагал, что «романские языки выросли не непосредственно из классической латыни, но из народного римского языка, который существовал рядом с первой» [40, S. 4], то есть первые попытки описать историю поздней латыни через призму если не плюрицентричности, но диглоссии имели место уже в первой половине III в. В историографии высказывалась и несколько отличная точка зрения, тем не менее также основанная на признании фактического существования двуязычия, предложенная в конце 1840-х гг. А. Фуксом [41]. Интерпретации природы такой диглоссии разнятся. Если часть авторов связывает развитие разговорной латыни, которая легла в основу романского, с воздействием субстрата, то другие были в большей степени склонны прочёкивать социальный фактор, связывая фрагментацию латыни и параллельно развитие литературной нормы с регионализированными вульгарными альтернативами с разным уровнем урбанизации провинций [19, с. 41].

Если Ф. Диц и его условные преемники исходили из того, что существовала литературная латынь, которая постепенно уступила свои позиции народной, то А. Фукс, наоборот, полагал, что народные формы речи возникли раньше, чем классическая латынь. Г. Шухардт [50] выводил классическую и народную латынь из одного языка-предшественника, указывая на их параллельное соразвитие и сосуществование. Несмотря на то, что в историографии высказывались предположения о том, что «нормализованный и усложненный язык классического периода не отрывался от живого римского говора» [25, с. 42], тем не менее по мере развития римского общества письменная и народная формы стали существенно различаться, а в начале н.э. вторая стала доминирующей и в процессе своего развития, по мере распада Империи, привела к появлению отдельных романских языков.

Важным фактором во фрагментации латыни по территориальному принципу стала устность как системная характеристика культуры римского социума. По мнению Н.Н. Казанского, «римская

культура должна рассматриваться как устная в своей основе» [8, с. 121] несмотря на значительное развитие письменности и сохранность множественных нарративных источников. Вероятно, именно «оральность» культуры, связанная бытованием и функционированием регионализированных форм латинской речи, вела к тому, что латынь постепенно становилась плюрицентричной. Описанные выше трансформации в рамках латыни постепенно превращали ее в плюрицентричный язык, который от аналогичных языков в современном мире отличался тем, что центры были не выделены политически и регионализированы, но носили преимущественно социальный характер. Н. Корлэтану такую ситуацию описывал как сосуществование «социальных и территориальных вариантов» латыни [14, с. 80].

В историографии подобные тенденции получили различные интерпретации. Немецкий историк Р. Мюллер склонен определять литературную форму как субстандарт [32], а ее варианты и разновидности как «уровни выражения» [47, S. 231], что, вероятно, должно служить указанием на социальность. В основе формировавшегося двуязычия лежали не этнические, но социальные и культурные основания. Именно поэтому народная альтернатива латыни определялась, исходя именно из социальных критериев, как «vulgaris», «cotidianus» или «rusticus» в противовес правильной норме «urbanus» или «sermo eruditus» [32], что еще раз подчеркивает преимущественно социальные линии разграничения между литературной латынью и народной латынью, которая становилась другим романским языком, формировавшимся на основе «sermo plebeius» [39] или «proletarius sermo» [33, с. 37].

Народные формы латыни не были едины, распадаясь, вероятно, на архаическую, собственно вульгарную, разговорную, повседневную, провинциальную, протирочную и позднюю, которые в целом определяются как «неклассические разновидности латинского языка» [24, с. 11]. В этом контексте латынь практически никогда не была единым языком. Комментируя ситуацию, советский романист И.М. Тронский подчеркивал, что «стилистическим идеалом являлся

latīnitās – чистый латинский язык, точнее urbānitās – установка на говор города Рима и его образованной верхушки в противоположность rústicitās – сельским диалектам и peregrīnitās – особенностям латинского языка других областей» [25, с. 41]. Такие дифференциации в истории латыни стали следствием одновременного действия ряда факторов. Продолжительная хронологическая история латыни и территориальная экспансия ее носителей, то есть два фактора, которые Г.В. Степанов определил как «временной» и «пространственный», стали источниками «лингвистической вариативности» [23, с. 42].

Подобные социолекты в условиях римского общества могли иметь не только социальные, но и территориальные основания, что превратило плюрицентричность в универсальную модель функционирования латыни. Эту модель, конечно же без использования терминологии, связанной с концептами плюрицентричности и социальной лингвистики, описал в 1880-е гг. Г. Грёбер [42], полагавший, что по мере расширения территории республики и Империи латынь постепенно менялась в направлении фрагментации, превращаясь в плюрицентричный язык, чьи региональные формы фактически уже на раннем этапе содержали элементы будущих романских языков. В целом, источники свидетельствуют о процессах постепенной фрагментации латыни, хотя эти процессы следует воспринимать через призму социальных трансформаций, или, по терминологии румынского романиста Й. Йордана, «влиянием на язык социальных факторов» [6, с. 41]. Блаженный Иероним также указывал на усиление именно этой альтернативы латыни, сетуя относительно того, что «если уста не слагают нежных слов с самого начала, то язык портится чуждым звуком и родная речь оскверняется внешними пороками» («*quae si non ab initio os tenerum composuerit, in peregrinum sonum lingua corrumpitur et externis vitiis sermo patrius sordidatur*») [33, с. 14].

В этом свидетельстве показателен статус автора. Иероним был представителем аристократии. Его признание об испорченности языка элиты указывает не только на глубину изменений, но и на то, что

в римском обществе имел место языковой сдвиг, что позволяло А.Б. Черняку сложившуюся ситуацию определять как «повсеместную диглоссию / билингвизм» [Там же], основанную на параллельном софункционировании латыни и романского [38], которые положили начало новым, неолатинским, языкам [29]. Такая логика генезиса романских языков была, вероятно, универсальной для Западной Романии. В частности, Е.М. Вольф указывала на сосуществование латыни и романского на этапе, который предшествовал появлению каталанского языка [3, с. 5]. А.Б. Черняк в своем описании ситуации как диглоссии вероятно ориентировался на М. Пизани [18], полагавшего сосуществование классической формы и народной, которая в терминологии А.Б. Черняка стала «романским», хотя итальянский лингвист выделял поливариативность [48] в качестве основной характеристики латыни, романского и языков, возникших на его основе.

Вместе с тем имели место попытки и такую латынь представить в качестве единого языка [37, с. 10], что, впрочем, слабо согласуется с историческими фактами. В V в. эти трансформации носили уже необратимый характер, на что указывают свидетельства анонимного автора «*Vita S. Hilarii Arelatensis*», свидетельствовавшего относительно святого Илария, что «*si peritorum turba defuisset, simplici sermone rusticorum corda nutriebat*» [33, с. 16], то есть «если мало было образованных людей, он насыщал сердца необразованных простонародной речью». Этот анонимный автор фиксировал уже принципиально иную ситуацию, чем его предшественники. Латынь перестала быть плюрицентричным языком, так как факторы регионализации и многосоставности общества фактически отделили латынь от условно нового романского языка.

По мнению А.Б. Черняка, латино-романская диглоссия / билингвизм «может считаться достаточно ясно засвидетельствованной для IV–V вв. н.э. [30], а ее ранняя стадия развития прослеживается уже в I в. н. э. (а возможно и раньше)» [33, с. 16]. В историографии высказывалось и несколько отличное мнение, озвученное, например, И.М. Тронским, по мнению которого, только к III в. н. э. «литературный язык отрывается от развития народно-разговорной речи и

перестает регулировать ее развитие» [25, с. 43]. Кроме этого О.А. Домбровский полагал, что и в начале н.э., и после фактического падения Империи сохранялась народная латынь, но не романский, так народные формы речи совпадали с разговорным языком [5], что в условиях разрушения ранних связей вело к большей фрагментации. Именно в такой ситуации углублялись расхождения между литературной и народной формами латинской речи. Поэтому в историографии подчеркивается, что «основа, на которой развивались романские языки, не была абсолютно тождественной» [19, с. 4].

Комментируя сложности идентификации романского языка, В.И. Томашпольский подчеркивает двойственное отношение к ней в рамках академического сообщества: «в повседневном общении формируется и используется разновидность речи, которая родственна литературной латыни, но отличается от нее. Эта разновидность легла в основу романских языков. С точки зрения латиниста, она называется вульгарной... с точки зрения компаративиста, она представляет собой романский праязык» [24, с. 15]. Таким образом, народная латынь, или романский были чрезвычайно подвержены регионализации по мере роста объективных отличий между провинциями, то есть романский языковой континуум развивался плюрицентрично. В этой ситуации постепенно исчезает вульгарная латынь как «засвидетельствованная» современниками, писавшими о падении качества латинской речи и письма.

Вместе с тем во внимание следует принимать и особенности этой формы языка как источника. По мнению В.И. Томашпольского, тексты, написанные на вульгарной латыни, «не обладают ни необходимой надежностью, ни достаточной полнотой» [Там же, с. 5]. Что касается нового романского языка, то он нам известен почти исключительно по «реконструированной латинской базе для романских языков» [45]. Существование последнего признавалась не всеми исследователями. В частности, молдавский романист Н. Корлэтяну полагал, что «народная латынь, живая латинская речь, служила непосредственной базой формирования всех романских языков» [14, с. 14], выводя тем самым новые языки непосредствен-

но из латинского, что следует рассматривать как явное упрощение. Позднее эта точка зрения подверглась умеренной модификации. В частности, Т.А. Репина подчеркивала, что романские языки не только сформировались «базе латинского в разговорной форме», представляя тем не менее «принципиально новый по сравнению с латинским тип языковой структуры» [1, с. 12].

Недостатки этой схемы были заметны и другим романистам. Поэтому в романском языкознании была выработана интерпретация, претендующая на компромиссный характер. Комментируя основные положения этого подхода, А.В. Широкова, в целом следуя за М.В. Сергиевским [21], формулировала их следующим образом. Взаимодействие «сельских народнолатинских диалектов» с «общегородским разговорным языком» привело к началу формирования романских языков, но на территории Дакии, Сардинии и Южной Италии доминировали «центробежные сельские тенденции», в то время как в Центральной и Северной Италии, Южной Галлии сохранила влияние городская латынь, но в обоих случаях нельзя исключать влияние «классических норм литературного языка» [35, с. 19]. Тем не менее отмирание народных форм латыни, ее замена романским или общероманским вовсе не означала достижение единства. Ситуация, наоборот, стала более многоуровневой и гетерогенной.

Изменился статус латыни, которая из языка «живого общения народных масс» [15, с. 45] по причине сокращения реального пространства ее активного использования постепенно превратилась в скрипту [9]. Распад Римской империи привел к большей фрагментации общероманского языкового состояния, в то время как классическая латынь сыграла роль наддиалектного языка [17, с. 287]. Поэтому гипотетический общероманский язык не только развивался параллельно с ограниченным использованием и функционированием латыни, но, скорее всего, существовал как плюрицентричный язык. В историографии предпринимались попытки объяснения этого явления. Например, М. Кршепински [44] полагал, что романский был вариативен, но унаследовал локальные варианты от форм латинской речи. Комментируя позицию чешского исследователя,

современный чешский романист Я. Шабршула подчёркивает, что «Максимилиан Кршепински настойчиво выступал за языковую автономию оккупированных римлянами провинций и опровергал идею общего языка в Римской империи. Рим дал этим провинциям сознание единства Империи, но не мог дать им единого языка» [49, р. 35]. Эти факторы стимулировали трансформацию форм латинской речи в «полидиалектальный романский язык» [36, с. 23].

На фактор поливариативности указывали и российские романисты, например, В.И. Томашпольский, по мнению которого, общероманский представлял собой совокупность диалектов, позднее трансформировавшихся в романские языки [24, с. 9]. Диалекты общероманского в историографии выделяются, как правило, исходя из географических критериев. В частности, предполагается, что среди диалектов следует выделять британороманский, галлороманский, иберороманский, ретороманский, италороманский, балканороманский, сардороманский и афророманский [Там же, с. 9-10]. Плюрицентричность стала следствием распада Романского Мира, его фрагментацией, разделением отдельных частей вторгшимися нероманскими группами. Поэтому плюрицентричность фактически актуализировала свою роль стимула для появления новых романских языков, хотя генетически и исторически они могли восходить к более ранним формам региональной романской речи, так как для предшествующей культуры римского социума были, видимо, характерны преимущественно устные формы функционирования, что автоматически генерировало многовариативность романской речи, тенденции для преодоления которой возникли поздно [28], носили искусственный и направляемый интеллектуалами и элитами характер, что и проявилось в процессах релатинизации [12], что, впрочем, нуждается в дальнейшем самостоятельном изучении.

Выводы

Исходя из дошедших до нас источников, на протяжении своей истории латынь демонстрирует тенденции к постепенному накоплению изменений, направленных на трансформацию как лексики,

так и грамматики в направлении постепенного упрощения и утраты некоторых грамматических форм и явлений. Кроме этого, к началу поздней античности мы можем предполагать, исходя из работ предшественников, что латынь утратила свое относительное единство по мере расширения территории Римской республики, а позднее и Римской империи. Таким образом, наряду с литературной письменной формой сложился и функционировал разговорный язык. Последний определяется исследователями в качестве романского. Романский представлял собой идиом индоевропейского происхождения, связанный с латынью. В процессе своего функционирования романский мог пребывать как под влиянием других индоевропейских языков населения провинций, так и подвергаться воздействию со стороны латыни в целом. В этой ситуации латынь постепенно становилась плюрицентричным языком.

Территориальное расширение Империи, а также последующий распад привели к фактической институционализации романского идиома, который в историографии обозначается термином «общероманское состояние». Вероятному появлению общероманского состояния в контексте других форм романской речи предшествовало развитие не просто литературных форм латыни, но и народной латыни. Таким образом, мы можем предположить одновременное и параллельное соразвитие и функционирование уже на этапе Поздней Республики и в период существования Империи как минимум двух форм романской речи, представленных классической латынью и народной латынью. На основе последней постепенно формировался отдельный романский язык, о котором речь идет в ряду упомянутых выше работ.

В дальнейшем этот отдельный романский идиом в ходе своего развития постепенно изменялся в направлении такого явления, которое известно как общероманское состояние. Последнее, в свою очередь, вероятно, как и предшествующие формы романской речи, представляло собой плюрицентричный язык. Этому содействовали территориальные размеры Римской империи, неравномерное распределение романоязычного населения на территории империи

в результате политики романизации, его соседство с носителями нероманских языков. Поэтому мы можем предположить, что романские формы речи, которые сформировали как общероманское состояние, так и его региональные версии (балканское, североафриканское) могли в определенной степени друг от друга отличаться, что говорит о том, что поздняя народная латынь, которая трансформировалась в общероманское состояние, также была плюрицентричным языком.

Отдельные регионализированные формы романской речи в поздней Империи еще радикально не разошлись относительно друг друга, сохраняли в основном латинский состав лексики и представляли собой отдельные территориальные версии формально единого, но фактически фрагментирующегося, языкового континуума. Именно в этих условиях и происходит возникновение новых форм речи, романских как по своему происхождению, так и по лексическому составу, но положивших начало будущим отдельным романским языкам. В этой ситуации мы можем еще раз подчеркнуть плюрицентричный характер развития как поздней народной латыни, так и общероманского состояния, вероятно, уже тогда были заложены основы для тех романских языков, которые существуют на современном этапе.

Таким образом, мы предполагаем, что романские формы речи исторически были подвержены фрагментации, что вело к параллельному и одновременному сосуществованию, соразвитию и софункционированию в политической и культурной сфере и прочих формах коммуникации различных форм и вариантов романской речи. На раннем этапе подобной фрагментации в ее основе могли лежать социальные факторы, которые разграничивали и разделяли носителей литературной и разговорной латыни, что актуализировало плюрицентричность языка. В этой ситуации литературная норма сосуществовала с разговорной народной латынью, которая стала основой романского языка, вероятно, возникшего в период Поздней Республики, который, не имея стандартизированной формы в условиях романизации провинций, подвергался регионализации, что

позволяет нам интерпретировать подобную динамику развития и функционирования сложившегося идиома как плюрицентричного.

Список литературы

1. Алисова, Т. Б., Репина, Т. А., & Таривердиева, М. А. (2007). *Введение в романскую филологию*. Москва: Высшая школа. 453 с.
2. Бурсье, Э. (1952). *Основы романского языкознания* (пер. Т. Е. и Е. В. Вентцель, ред., предисл., прим. Д. Е. Михальчи). Москва: Изд-во иностранной литературы. 672 с.
3. Вольф, Е. М. (1984). Развитие каталанской прозы в XIII–XIV веках. В *Формирование романских литературных языков* (с. 5–97). Москва: Наука.
4. Гурычева, М. С. (1959). *Народная латынь*. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках. 189 с.
5. Домбровский, О. А. (1970). К вопросу о периодизации истории вульгарной латыни. В *Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков* (часть 2, с. 5–14). Минск: Изд-во Белорусского государственного университета.
6. Йордан, Й. (1971). *Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы* (пер. с рум. С. Г. Бережан, И. Ф. Мокряк, ред., прим. И. Г. Корлэтяну, предисл. Р. А. Будагов). Москва: Прогресс. 619 с.
7. Кабанова, А. С. (2010). Архаичное и новое румынского инфинитива. *Вестник МГИМО-Университета*, (6), 202–207.
8. Казанский, Н. Н. (2022). *Проблемы лексикологии латинского языка*. Санкт-Петербург: Наука. 407 с. <https://doi.org/10.7868/9785020403000>
9. Катагощина, Н. А. (1978). Понятие scripta и проблема языковой интерпретации старофранцузских текстов. В *Древняя и новая романия. Вып. 2. Исследования по романской филологии. Сборник статей памяти академика В. Ф. Шишмарева* (с. 44–50). Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
10. Кирчанов, М. В. (2023). Общероманское состояние как изобретённая историографическая традиция в интеллектуальной истории романской филологии. *Современные исследования социальных про-*

- блем, 15(2), 288–312. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-288-312>
11. Кирчанов, М. В. (2024). *От варваров к “populus Romanus”: Интеллектуальная история изобретения романизации (“Другая интеллектуальная история”. Т. 4)*. Воронеж: Кварта. 156 с.
 12. Кирчанов, М. В. (2018). *Релатинизация романских языков: История и современность*. Москва: URSS. 200 с.
 13. Копырина, М. В. (2013). Об исторической роли латыни в формировании и развитии французского языка. *Вестник Шадринского государственного педагогического института*, (3), 15–20.
 14. Корлэтяну, Н. Г. (1974). *Исследование народной латыни и её отношений с романскими языками*. Москва: Наука. 304 с.
 15. Косарик, М. А. (2018). Актуальность традиционных проблем изучения романских языков. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, (6), 9–33.
 16. Куликова, Ю. В. (2023). О терминологическом отражении процессов взаимодействия этносов в Римской империи. Романизация или провинциализация? *Локус: Люди, общество, культуры, смыслы*, 14(4), 81–98. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98>
 17. Лухт, Л. И. (1984). Формирование румынского литературного языка в XVI–XIX вв. (Периодизация и история обучения). В *Формирование романских литературных языков* (с. 286–308). Москва: Наука.
 18. Пизани, В. (1973). Итальянские диалекты в историческом контексте. *Вопросы языкознания*, (6), 3–8.
 19. Романские языки (1965). Под ред. М. С. Гурьичевой и Н. А. Катагощиной. Москва: Наука. 146 с.
 20. Сергиевский, М. В. (1954). *Введение в романское языкознание*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 304 с.
 21. Сергиевский, М. В. (1946). Проблемы диалектности вульгарной латыни в свете данных романского языкознания. *Вестник МГУ*, (1), 25–36.
 22. Солнцева, А. В. (2020). Романские языки: История формирования и проблемы классификации. *Верхневолжский филологический вестник*, (3), 124–133. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-3-22-123-132>

-
23. Степанов, Г. В. (1976). *Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи*. Москва: Наука. 232 с.
 24. Томашпольский, В. И. (2012). *Романский праязык*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 386 с.
 25. Тронский, И. М. (1960). *Историческая грамматика латинского языка*. Москва: Издательство литературы на иностранных языках. 320 с.
 26. Хайруллин, Р. К. (2023). Типологические исследования романских языков. *Интернаука*, (271), 19–22.
 27. Цицерон. (1972). *Три трактата об ораторском искусстве* (под ред. М. А. Гаспарова). Москва: Наука. 470 с.
 28. Чельшева, И. И. (1984). Роль релатинизации в формировании романских литературных языков. В *Формирование романских литературных языков* (с. 309–341). Москва: Наука.
 29. Черняк, А. Б. (2013). Латинский, романский, румынский. В *Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. К 100-летию со дня рождения член-корреспондент АН СССР А. В. Десницкой* (с. 210–238). Санкт-Петербург: Наука.
 30. Черняк, А. Б. (2020). О латинском/романском и о романской диглоссии (по поводу статьи: Marc van Uytfgange. La diachronie Latino-Romane: le conflit des chronologies et la diglossie. *ZRPH* 128, n. 3 (2012), 405–466). *Aristeas: Вестник классической филологии и античной истории*, 22, 285–292. <https://doi.org/10.1515/zrp-2012-0040>
 31. Черняк, А. Б. (2005). Секст Помпей и его жаргон (Vell. II 73, 1 studiis rudis, sermone barbarus). В *Hrda tanasa. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга* (с. 439–445). Санкт-Петербург: Наука.
 32. Черняк, А. Б. (2007). Языковая ситуация в древнем Риме (по поводу диссертации Р. Мюллера «Языковое самосознание и языковая вариативность в латинской письменности древности». Мюнхен, 2001). *Вестник древней истории*, (1), 259–262.
 33. Черняк, А. Б. (2015). *Языковая ситуация в Римской империи. Свидетельства античных авторов и раннероманских глоттонимов*. Санкт-Петербург: Нестор-История. 176 с.

34. Шенгелия, И. Г. (1962). *Народно-разговорная латынь*. Тбилиси: Цодна. 162 с.
35. Широкова, А. В. (2005). *От латыни к романским языкам*. Москва: Добросвет. 221 с.
36. Широкова, А. В. (2004). Территориальная и социальная дифференциация народной латыни. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Лингвистика»*, (6), 21–34.
37. Шишмарёв, В. (1954). Курс «Введение в романское языкознание» в свете учения И. В. Сталина. В *Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание* (с. 3–15). Москва: Издательство литературы на иностранных языках.
38. Burger, A. (1943). For a theory of common novel. *Memorial des Études Latines*, Paris: Société d'Édition Les Belles Lettres, pp. 162–169.
39. Cooper, F. (1895). *Word Formation in the Roman Sermo Plebeius. An Historical Study of the Development of Vocabulary in Vulgar and Late Latin, with Special Reference to the Romance Languages*. New York: University Faculty of Philosophy Columbia College. 329 p.
40. Diez, F. (1836). *Grammatik der romanischen Sprachen*. Band 1. Bonn: E. Weber. 346 p.
41. Fuchs, A. (1849). *Die lateinische Sprache in ihrem Verhältnisse zum Romanischen*. Halle: H.W. Schmidt. 369 p.
42. Gröber, G. (1889). Vulgar-Latin substrates of Romance words (T–Z). In E. Wölfflin (Ed.), *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik mit Einschluss des älteren Mittellateins* (pp. 117–376). Leipzig: B.G. Teubner.
43. Jiménez Zamudio, R. (1986). *Estudio del dialecto peligno y su entorno lingüístico*. León: Universidad de León. 224 p.
44. Křepinský, M. (1958). *Birth of Romance languages and existence of their common evolution period (Vulgar Latin, Romance Period)*. Prague: Československé Akademie Věd. 78 p.
45. Leumann, M. (1960). Proto-Romance and Vulgar Latin. *Lingua Posnaniensis*, 8, 1–11.
46. Mihăescu, H. (1960). *Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române. 327 p.

47. Müller, R. (2001). *Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike*. Munich: Beck. 357 p.
48. Pisani, V. (1948). *Manuale storico della lingua latina*. Turin: Rosenberg e Sellier. 400 p.
49. Šabršula, J. (2009). Romanica-Balkanika: convergence and divergence. *Studia Romanistica*, 9(2), 35–44.
50. Schuchardt, H. (1866). *Der Vokalismus des Vulgärlateins*. Leipzig: B.G. Teubner. 356 pp.
51. Väänänen, V. (1968). *Introducción al Latín Vulgar*. Madrid: Editorial Gredos, S.A. 413 p.

References

1. Alisova, T. B., Repina, T. A., & Tariverdieva, M. A. (2007). *Introduction to Romance Philology*. Moscow: Vysshaya shkola. 453 p.
2. Bourciez, É. (1952). *Foundations of Romance Linguistics* (Translated by T. E. and E. V. Ventsel', edited, introduction, notes by D. E. Mikhailchi). Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 672 p.
3. Wolff, E. M. (1984). Development of Catalan prose in the 13th–14th centuries. In *Formation of Romance Literary Languages* (pp. 5–97). Moscow: Nauka.
4. Guricheva, M. S. (1959). *Popular Latin*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh. 189 pp.
5. Dombrovskiy, O. A. (1970). On the periodization of the history of Vulgar Latin. In *Problems of Diachrony and Synchrony in the Study of Romance Languages* (Part 2, pp. 5–14). Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta.
6. Jordan, I. (1971). *Romance Linguistics. Historical Development, Trends, Methods* (Translated from Romanian by S. G. Berezhnaya and I. F. Mokryak; edited, notes by I. G. Korletyanu; foreword by R. A. Budagov). Moscow: Progress. 619 p.
7. Kabnova, A. S. (2010). Archaic and new features of the Romanian infinitive. *MGIMO University Bulletin*, (6), 202–207.
8. Kazanskiy, N. N. (2022). *Problems of Latin Lexicology*. Saint Petersburg: Nauka. 407 p. <https://doi.org/10.7868/9785020403000>

9. Katagoschina, N. A. (1978). The concept of ‘scripta’ and the problem of interpreting Old French texts. In *Ancient and New Romania. Issue 2. Studies in Romance Philology. Collection of Articles in Memory of Academician V. F. Shishmarev* (pp. 44–50). Leningrad: Leningrad State University Press.
10. Kirchanov, M. V. (2023). Common Romance stage as an invented historiographic tradition in the intellectual history of Romance philology. *Contemporary Studies of Social Problems*, 15(2), 288–312. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-2-288-312>
11. Kirchanov, M. V. (2024). From barbarians to “Populus Romanus”: Intellectual history of invention of Romanization (“Other Intellectual History,” Vol. 4). Voronezh: Kvarta. 156 p.
12. Kirchanov, M. V. (2018). Relatinization of Romance languages: History and present day. Moscow: URSS. 200 p.
13. Kopyrina, M. V. (2013). On the historical role of Latin in the formation and development of the French language. *Bulletin of Shadrinsky State Pedagogical Institute*, (3), 15–20.
14. Korletyanu, N. G. (1974). Research on popular Latin and its relationship with Romance languages. Moscow: Nauka. 304 p.
15. Kosarik, M. A. (2018). Relevance of traditional problems in the study of Romance languages. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, (6), 9–33.
16. Kulikova, Y. V. (2023). Terminological reflection of ethnic interaction processes in the Roman Empire: Romanization or provincialization? *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*, 14(4), 81–98. <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2023-14-4-81-98>
17. Lukht, L. I. (1984). Formation of the Romanian literary language in the sixteenth-nineteenth centuries (periodization and educational history). In *Formation of Romance Literary Languages* (pp. 286–308). Moscow: Nauka.
18. Pizani, V. (1973). Italian dialects in their historical context. *Problems of Linguistics*, (6), 3–8.
19. Romance Languages. (1965). Ed. by M. S. Guricheva & N. A. Katagoschina. Moscow: Nauka. 146 p.

-
20. Sergievsky, M. V. (1954). Introduction to Romance Linguistics. Moscow: Foreign Language Literature Publishers. 304 p.
 21. Sergievsky, M. V. (1946). Problems of Dialect Variety in Vulgar Latin Based on Data from Romance Linguistics. *Moscow University Bulletin*, (1), 25–36.
 22. Solnceva, A. V. (2020). Romance Languages: History of Formation and Classification Problems. *Upper Volga Philological Bulletin*, (3), 124–133. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-3-22-123-132>
 23. Stepanov, G. V. (1976). *Typology of Language States and Situations in Countries of Romance Speech*. Moscow: Nauka. 232 p.
 24. Tomaspol'sky, V. I. (2012). *Proto-Romance Language*. Ekaterinburg: Ural University Press. 386 p.
 25. Tronsky, I. M. (1960). *Historical Grammar of Latin*. Moscow: Foreign Language Literature Publishers. 320 p.
 26. Khairullin, R. K. (2023). Typological studies of Romance languages. *Internauka*, (271), 19–22.
 27. Cicero. (1972). *Three Treatises on Oratory* (edited by M. A. Gasparov). Moscow: Nauka. 470 p.
 28. Chelysheva, I. I. (1984). Role of relatinization in the formation of Romance literary languages. In *Formation of Romance Literary Languages* (pp. 309–341). Moscow: Nauka.
 29. Chernyak, A. B. (2013). Latin, Romance, Romanian. In *Albanian Philology, Balkan Studies, Problems of Linguistics. Commemorating the 100th Anniversary of Member-Correspondent of the USSR Academy of Sciences A. V. Desnitckaja* (pp. 210–238). St. Petersburg: Nauka.
 30. Chernyak, A. B. (2020). About Latin/Romance and Romance Diglossia (regarding the article: Marc van Uytvanghe. La diachronie Latino-Romane: le conflit des chronologies et la diglossie. *ZRPH* 128, n. 3 (2012), 405–466). *Aristeas: Classical Philology and Ancient History Bulletin*, 22, 285–292. <https://doi.org/10.1515/zrph-2012-0040>
 31. Chernyak, A. B. (2005). Sextus Pompeius and His Jargon (Vell. II 73, 1 studiis rudis, sermone barbarus). In *Hrda Manasa. Collection of Papers Celebrating Professor Leonid Gerzenberg's 70th Birthday* (pp. 439–445). St. Petersburg: Nauka.

32. Chernyak, A. B. (2007). Language Situation in Ancient Rome (Regarding R. Müller's Dissertation "Language Awareness and Language Variability in Ancient Latin Writing"). *Antiquity Herald*, (1), 259–262.
33. Chernyak, A. B. (2015). *Language Situation in the Roman Empire. Evidence from Ancient Authors and Early Romance Glottonyms*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 176 p.
34. Shengeliya, I. G. (1962). *Folk Colloquial Latin*. Tbilisi: Tsodna. 162 p.
35. Shirokova, A. V. (2005). *From Latin to Romance Languages*. Moscow: Dobrosvet. 221 p.
36. Shirokova, A. V. (2004). Territorial and Social Differentiation of Popular Latin. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series «Linguistics»*, (6), 21–34.
37. Shishmarev, V. (1954). Course on "Introduction to Romance Linguistics" in Light of Stalin's Theory. In *Sergievskii M. V. Introduction to Romance Linguistics* (pp. 3–15). Moscow: Foreign Language Literature Publisher.
38. Burger, A. (1943). For a theory of common novel. *Memorial des Études Latines*, Paris: Société d'Édition Les Belles Lettres, pp. 162–169.
39. Cooper, F. (1895). *Word Formation in the Roman Sermo Plebeius. An Historical Study of the Development of Vocabulary in Vulgar and Late Latin, with Special Reference to the Romance Languages*. New York: University Faculty of Philosophy Columbia College. 329 p.
40. Diez, F. (1836). *Grammatik der romanischen Sprachen*. Band 1. Bonn: E. Weber. 346 p.
41. Fuchs, A. (1849). *Die lateinische Sprache in ihrem Verhältnisse zum Romanischen*. Halle: H.W. Schmidt. 369 p.
42. Gröber, G. (1889). Vulgar-Latin substrates of Romance words (T–Z). In E. Wölfflin (Ed.), *Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik mit Einschluss des älteren Mittellateins* (pp. 117–376). Leipzig: B.G. Teubner.
43. Jiménez Zamudio, R. (1986). *Estudio del dialecto peligno y su entorno lingüístico*. León: Universidad de León. 224 p.
44. Křepinský, M. (1958). *Birth of Romance languages and existence of their common evolution period (Vulgar Latin, Romance Period)*. Prague: Československé Akademie Věd. 78 p.

45. Leumann, M. (1960). Proto-Romance and Vulgar Latin. *Lingua Posnaniensis*, 8, 1–11.
46. Mihaescu, H. (1960). *Limba latină în provinciile dunărene ale imperiului roman*. Bucharest: Editura Academiei Republicii Populare Române. 327 p.
47. Müller, R. (2001). *Sprachbewußtsein und Sprachvariation im lateinischen Schrifttum der Antike*. Munich: Beck. 357 p.
48. Pisani, V. (1948). *Manuale storico della lingua latina*. Turin: Rosenberg e Sellier. 400 p.
49. Šabršula, J. (2009). Romanica-Balkanika: convergence and divergence. *Studia Romanistica*, 9(2), 35–44.
50. Schuchardt, H. (1866). *Der Vokalismus des Vulgärlateins*. Leipzig: B.G. Teubner. 356 pp.
51. Väänänen, V. (1968). *Introducción al Latín Vulgar*. Madrid: Editorial Gredos, S.A. 413 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, д.и.н., доцент, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения
*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Университетская пл., 1, г. Воронеж, 394018, Российская Федерация*
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies
*Voronezh State University
1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation*
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Поступила 20.01.2025

После рецензирования 10.02.2025

Принята 19.02.2025

Received 20.01.2025

Revised 10.02.2025

Accepted 19.02.2025